

Гусева Елена Викторовна

СВОЕОБРАЗИЕ МИРА ДЕТСТВА В РОМАНЕ З. ПРИЛЕПИНА "САНЬКЯ"

В статье раскрывается тема детства в романе З. Прилепина "Санья", имеющая большое значение как в развитии сюжета произведения, так и в понимании характеров главных героев. Прилепинские персонажи, выказывая то или иное отношение к детям, проверяются этим на человечность, умение любить. Также автор нередко обращается к детству самих центральных героев, видя в этом временном периоде корни их поведения, истоки их судеб. Отдельного внимания в аспекте детской темы заслуживает такая черта взрослых людей, как детскость: ею обладают многие персонажи "Саньки". Детскость может иметь как положительное значение, рассматриваясь в качестве синонима богатого воображения, непосредственности, честности и чистоты, так и отрицательное значение, приравниваясь к инфантилизму и безответственности, неумению отвечать за свои поступки. В раскрытии детской темы Захаром Прилепиным немаловажную роль играют художественные детали и цветопись.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/7-1/13.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (25): в 2-х ч. Ч. I. С. 51-56. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. Акъегет М. Хисаметдин менла. Казань: Тат. книжн. изд-во, 1979. 307с.
2. Бахтин М. Эпос и роман (о методологии и исследовании романа) // Вопросы литературы и эстетики. М.: 1972. 417 с.
3. Валиди Дж. Татарский литературный процесс. Оренбург: Вақыт., 1922. 122с.
4. Гайнуллин М. Татарская литература (XIX век). Казань: Таткнигоиздат., 1957. 654 с.
5. Гайнуллин М. Татарская литература XIX века. Казань: Таткнигоиздат., 1975. 307 с.
6. Гайнуллин М. Татарская литература и публицистика. Казань: Таткнигоиздат., 1983. 351 с.
7. Гринцер П. Генезис романа в литературах Азии и Африки. М.: Изд. вост. лит., 1980. 360 с.
8. Ибрагимова Г. Уроки литературы. Казань: Сабах, 1916. 148 с.
9. Исхаки Г. Жизнь ли это? // Исхаки Г. Произведения: в 15-ти т. Казань: Тат. книжн. изд-во., 1998. Т. 1. 447 с.
10. Исхаки Г. Сын богача: роман // Мирас. 1996. № 9. 186 с.
11. Мусин Ф. Серебряное зеркало: статьи литературной критики. Казань: Тат. книжн. изд-во., 1989. 142 с.
12. Нигъматли Г. Избранные произведения. Казань: Таткнигоиздат., 1958. 176 с.
13. Нуруллин И. О реализме. Казань: Тат. книжн. изд-во, 1974. 93 с.
14. Нуруллин И. Путь к зрелости. Казань: Таткнигоиздат., 1971. 350 с.
15. Нуруллин И. Татарская литература начала XX века. Казань: Изд-во КГУ, 1966. 427 с.
16. Пospelов Г. Проблемы исторического развития литературы. М.: Гослитиздат., 1972. 240 с.
17. Сагъди Г. История татарской литературы. Казань: Татгосиздат., 1926. 243 с.
18. Сагъди Г. Краткое пособие по теории литературы. Уфа: Изд-во Хусаенов, 1911. 69 с.
19. Сагъди Г. Методы литературы. Оренбург: Вақыт, 1912. 122 с.
20. Сагъди Г-жан. Теория литературы. Казань: Таткнигоиздат., 1941. 167 с.
21. Хайри Х. Писатель и жизнь: теория литературы, вопросы литературных движений. Казань: Таткнигоиздат., 1979. 244 с.
22. Халит Г. Портреты и проблемы. Казань: Татгосиздат, 1985. 344 с.
23. Хасанов М. Великий герой татарского ренессанса // Исхаки Г. Произведения: в 15-ти т. Казань: Тат. книжн. изд-во, 1998. Т. 1. 340 с.
24. Хатинов Ф. Теория литературы. Казань: Магариф., 2000. 351 с.

PROBLEMS OF STUDYING GENRE NATURE IN TATAR NOVEL

Gabidullina Farida Imamutdinovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
El bug Institute of Kazan Federal University
farida-vip@mail.ru

The author reveals the origin and formation of a national novel genre, tells that the novel formation is related to the age of Enlightenment realism in the Tatar literature, and analyzing writers-enlighteners' novels mentions that in the last quarter of the XIXth century, under the influence of the profound social changes in the Tatar life, a national novel undergoes the renovation both in terms of content and in terms of form.

Key words and phrases: literature; genre; novel; work; composition; structure; term.

УДК 8

Филологические науки

В статье раскрывается тема детства в романе З. Прилепина «Санька», имеющая большое значение как в развитии сюжета произведения, так и в понимании характеров главных героев. Прилепинские персонажи, выказывая то или иное отношение к детям, проверяются этим на человечность, умение любить. Также автор нередко обращается к детству самих центральных героев, видя в этом временном периоде корни их поведения, истоки их судеб. Отдельного внимания в аспекте детской темы заслуживает такая черта взрослых людей, как детскость: ею обладают многие персонажи «Саньки». Детскость может иметь как положительное значение, рассматриваясь в качестве синонима богатого воображения, непосредственности, честности и чистоты, так и отрицательное значение, приравниваясь к инфантилизму и безответственности, неумению отвечать за свои поступки. В раскрытии детской темы Захаром Прилепиным немаловажную роль играют художественные детали и цветопись.

Ключевые слова и фразы: мотив детства; детские образы; Захар Прилепин; «Санька»; образ ребенка.

Гусева Елена Викторовна

Российский университет дружбы народов
elena-evgenia@yandex.ru

СВОЕОБРАЗИЕ МИРА ДЕТСТВА В РОМАНЕ З. ПРИЛЕПИНА «САНЬКА»[©]

Детство – одна из ведущих тем прозы Захара Прилепина, проходящая через все романы, повести и сборники рассказов писателя. Почти никогда не становясь кульминационной, она прорастает сквозь все другие

мотивы и образы и, разветвляясь на множество подтем и сюжетов, придает повествованию свое особое звучание. Несмотря на то, что у автора нет ни одного произведения, которое было бы полностью посвящено детской тематике, все они наполнены детскими образами, воспоминаниями героев о своих первых жизненных впечатлениях, проникнуты тонкими наблюдениями взрослых персонажей за внутренним миром ребенка – миром простым в своей почти первобытной примитивности и одновременно невероятно сложным для восприятия взрослого человека. Антитеза двух параллельных, никогда не сходящихся вместе пространств: взрослого и детского, их противопоставление, порой приобретающее размеры пропасти, – вот что лежит в основе детской тематики: социальной, психологической и философской одновременно.

В романе «Санька», посвященном безрассудному и беспощадному молодежному бунту, детство выполняет сразу несколько функций. С одной стороны, это живое воплощение гармонии и красоты отношений между людьми, а значит, одновременно и проверка на человечность, умение любить. В этом плане показательны отношения различных героев З. Прилепина к детям как оценка их собственных душевных качеств. С другой стороны, детство – это и совсем недавнее прошлое сегодняшней молодежи, тот период времени, в котором – помня о том, что все мы родом из детства – можно попытаться отыскать истоки характеров молодых людей, причины их ожесточенной борьбы с окружающим миром.

Говоря о том, как взгляд на ребенка выявляет и проявляет личность, стоит отметить, что главный герой, Саша Тишин, с большой нежностью и симпатией относится к малышам и на протяжении всей книги демонстрирует это приятие детства – идеала чистоты души и помыслов. «Самыми забавными были *дети*. Саша любил смотреть на *малышей*. Иногда пугал мам, привставая на цыпочки и заглядывая в коляску – может, мамы думали, что он сглазит, этот странный тип. А он шел и улыбался» [З, с. 120]; «И куда-то спрятался от своих мыслей. Разглядывать кого-то стал. Мужика напротив; девушку некрасивую, ребенка... Особенно ребенка: тот глазел умильительно, полторогодовалый, наверное. Очень хороший» [Там же, с. 201] и т.д.

На страницах романа часто появляются эпизодические образы детей – это и одинокий деревенский мальчик, которого видит приехавший в село Саша, и внесюжетный персонаж – маленький ребенок Матвея, одного из лидеров оппозиционной партии: «Матвей не казался огорченным – просто рассказывал как есть. – А у меня жена дома, с маленьким ребенком. <...> Они к матери ее ушли сразу, даже защищать барахло не стали. <...> Жена сказала, что вид у этой подлоты был такой, что минута – и ее саму бы с дитем выкинули» [Там же, с. 310]. Неспособность испытывать жалость по отношению к детям – показатель не просто жестокости, но нравственной деградации. Сложно представить себе даже самого сурового из союзников, «надежного как бульжник» Негатива бьющим женщину или наносящим увечье ребенку. Санька верно угадывает про Негу, что созидательное начало в нем выше жажды разрушения: оттого он так по-взрослому, на правах старшего, заботится о своем брате Позике и возражает против его участия в партийных делах, зная об опасностях оппозиционной деятельности. Отличает персонажа и нежная любовь к растениям: «Негатив поливал цветы. <...> Полив, он аккуратно, двумя пальцами пожимал цветам их пухлые или тонкие, зеленые, шершавые лапы, что-то шепча» [Там же, с. 141].

Подобное бережное отношение ко всему живому характерно не только для него – для большинства членов «Союза созидателей». Даже во время проведения своей масштабной акции по захвату городской администрации партийцы стараются обойтись без жертв: «–Запускаем и разоружаем», – успел сказать Саша пацанам. – По возможности никого не убивать» [Там же, с. 350]. А женщине из милиции, оказавшейся в числе пленных, ребята дают теплую одежду: «Женщина была в туфельках – молодой пацан из числа «союзников» накинул ей бушлат на плечи» [Там же, с. 354].

Сам Саша Тишин, нередко проявляющий агрессию, – впрочем, чаще мысленную или словесную, нежели выливающуюся в реальное действие, – ни разу не срывается на детей. После драки на рынке с приезжими торговцами он мирно и дружелюбно, смеясь и шутя, разговаривает с кавказским мальчишкой, даже высказывает ему свои радужные планы на будущее: «Ладно, не обижайся... – сказал он, помолчав еще. – Вот устроим революцию, всех гадов перебьем, я приеду к тебе в Алма-Ату, будем чай пить на веранде» [Там же, с. 88]. Кажется удивительным, но члены радикальной группировки, которые демонстративно, с вызовом называют себя «русскими», отличаются большей толерантностью по отношению к различным национальностям, чем задержавший их милиционер: «– Я бы сам этих чернозадых гнид бил..., – сказал помдеж, открывая дверь на улицу. – Мы их не били... – сказал Саша, они сами. <...> Саше было неприятно от панибратского тона милиционера. <...> И еще ему было немного гадко от того, что милиционер решил, будто пацаны с ним заодно – против тех, кого он назвал «чернозадыми». Но они не были заодно...» [Там же, с. 92-93].

Гуляя по вечернему городу, Санька и его подруга, союзница Яна, обращают внимание не на иностранные марки машин или дорожные магазины, не на модно одетых людей, а на трогательную сценку – маленького мальчика, топающего рядом с мамой и изысканно одного ему ведомыми звуками, которые до поры до времени не складываются в осмысленные фразы. Саша в шутку называет его уменьшительно-ласкательно «зверьком», но Яна меняет последний слог на более музыкальный, окающий и будто бы удивленный. Ведь «зверек – это когда лет пять-шесть, острые зубки, быстрый взгляд, чумазый и уже умеет хитрить и немножко подличать. – Да-да, – согласился Саша, – а это зверок. Зверочек, лапа» [Там же, с. 120]. В таких смешливых диалогах, живой игре мысли и слов герои открываются читателям с новой стороны: не как борцы и идеологи радикального движения, не как нарушители общественного спокойствия, но как люди, умеющие искренне любить и тонко чувствовать красоту мира. Чувствовать то истинное, внутреннее его совершенство, которое почти теряется за внешними, фальшивыми проявлениями сиюминутно-прекрасного: нарисованными масками лиц, разноцветным телевизионным «мусором», магазинами – музеями. Лишь дети, еще не успевшие стать частью бездуховного и бездушного мира, не поглощенные им, способны вызвать у героев настоящие чувства – светлую радость, жалость, трепет, веселый смех, желание жить.

Лейтмотивом книги становятся воспоминания главного героя о собственном детстве, наполненные теплотой, солнцем, гармонией мира. По дороге в деревню, скрываясь от преследований властей, Саша – по контрасту с суетой и неуспокоенностью своего настоящего – вспоминает о неспешном дне из детства: о том, как он, девятилетним мальчиком, косил с папой траву. И ему кажется, что, проезжая мимо той поляны, где был покос, он снова видит отца, только не может разглядеть его лица; и воспоминание, мелькнув, ускользает... Приехав же в село к бабушке и умирающему деду, он сначала открывает щеколду с мыслью о том, что «в детстве легче получалось – тоненькой лапкой-то» [Там же, с. 34], а потом на ум ему приходят греющие душу мысли о том времени, когда он малышом жил в этой деревне: ел любимые бабушкины каравайчики, ругал деда за то, что тот каждое утро включал гимн, забывал потом об этой минутной обиде... Казалось бы, в памяти героя всплывают малозначительные, случайные эпизоды, но от них веет уютом, домом, ощущением себя частью большой семьи. «Саша потягивался тонкими ножками с нематыми пятками, злился на дедушку. Но сразу же засыпал – едва прекращалась мелодия. Ел молочный суп. <...> После супа были каравайчики, чай. Все было так *нежно*» [Там же, с. 45]. Уже взрослым, вспоминая отошедшую в прошлое жизнь, Саша в себе самом «только того мальчика и любил, темноногого, в царапках» [Там же, с. 53].

Однако воспоминания Саньки окрашены не исключительно в счастливые тона – напротив, радость в них всегда мешается с тоской. Детство в его представлении – не только особое, полумифическое, опозитизированное пространство, но и мир, соотносящийся с очень четким временным отрезком – доперестроечным периодом. С тем прошедшим временем, когда на фотографиях в доме стариков еще можно было различить и узнать лица родственников; когда деревня не вымирала, но полнилась жизнью, работой, пестрым бытом. Так, советская эпоха, на которую пришлось лишь раннее детство Тишина, ассоциируется в его сознании с устойчивостью мира, молодостью родителей, ухоженным селом и красивыми пляжами у реки. Современность же – постсоветская эра – оказывается носителем разрухи, забвения основ, неуважения к собственной земле, деревенской жизни и труду. «Деревня умирала и отмирала – это чувствовалось во всем. Она отчлонила изрытой, черствой, темной льдиной и тихо плыла» [Там же, с. 36]. Бабушкин «иконостас» с фотографиями середины XX века забыт в углу комнаты: «Не станет бабушки – никто никому не объяснит, кто здесь запечатлен, что за народ – Тишины. Да никто и не спросит» [Там же, с. 49]. Поумирали старики, и разъехалась из деревни молодежь... Тихий пляж «с белым аляным песком» «весь зарос некрасивым лопушьем» [Там же, с. 54, 56]. Постаревшая бабушка Саши, черная от своей неизбывной тоски – гибели всех троих сыновей, тенью от прошлого сидит на старой скамейке. Объятая безотрадным одиночеством, она куда более созвучна окружающему безлюдью и пустоте, чем играющий рядом с ней соседский мальчишка. Она олицетворяет собой гибнущий деревенский мир и идет вслед за ним в небывшие, так же как старухи из повести В. Распутина «Прощание с Матерой», лишившиеся смысла жизни вместе с гибелью родного поселка, где остались их сожженные дома, похороненные предки, память о прошлом. Ребенок же, напрасно обещающий продолжение жизни, посреди деревенского распада смотрится «странно, стыдно, неуместно» [3, с. 36]. Он – звено новой цепи, представитель того современного мира, ни следа от модернизации и реформ которого в селе не обнаруживается. Невольно напрашивается сравнение двух временных эр – дня вчерашнего и сегодняшнего – оказывается не в пользу последнего.

Не только сам Саша Тишин, но и многие его друзья, участники Союза созидателей, успели на своем коротком веку стать двумя эпохами и сопоставить их, сделав похожие, близкие к приведенному выводы. Маленькие провинциальные города, движение в которых замерло вместе с гибелью Советского Союза, – вот что стало невеселым фоном их начавшегося жизненного пути. В большинстве случаев ранние годы «детей перестройки» – от яслей до последнего звонка в школе – были далеки от радостно-беззаботной тональности. Уже тогда они столкнулись с социальным неравенством, несправедливостью законов, жизнью за чертой бедности; почувствовали на себе холодное безразличие и отчужденность окружающих. Резко изменившийся мир сломил взрослых и лишил детей надежды на светлое будущее. Вспоминая о власти «типических обстоятельств», можно сказать, что социальные условия в данном случае действительно определили сознание многих, приведя их затем к отчаянным попыткам изменения мира в составе различных радикальных движений. В протестных же организациях пассионарный характер руководящей личности нередко заслоняет саму идеологию, порой крайне негативную и разрушительную, как и в случае с Союзом созидателей из романа З. Прилепина. Нестранно в книге образ Костенко – лидера организации С.С. – фигура таинственная и неоднозначная: он ни разу зримо не появляется на страницах романа, но присутствует в преломлении чужих слов, рождаясь из разногласий противоречивых мнений и воспоминаний.

Многие герои – Санька, Лева, Безлетов – отмечают присущую главе Союза созидателей детскость. Но если у его сторонника и последователя Саши Тишина к этой детскости положительное отношение: «он вдруг наткнулся в библиотеке на стихи Костенко, детские, абсурдистские... мир в стихах Костенко получился на удивление правильным, первобытным – таким, *какой он и должен быть...*» [3, с. 154], то сторонник либерализма Безлетов придает этой черте лидера С.С. совсем иной смысловой оттенок. Детскость Костенко для него – подтверждение утопичности его идей. Со злой иронией Безлетов спрашивает у Тишина: «Основываясь на чем вы будете строить будущее? На *детских* стихах Костенко?» [Там же, с. 262]. Сам Саша также отмечает, что необычное, по-детски творческое видение характерно и для философских книг лидера С.С., однако в них не хватает одной очень важной и значимой составляющей: «Там вовсе не было доброты. В них порой сквозило уже нечто неземное, словно Костенко навсегда разочаровался в человечине, и разочаровался поделом» [Там же, с. 155]. По сути, философ Костенко, лишенный любви и жалости к людям и живущий своими проектами «на двести лет вперед как минимум» [Там же], – мертвый символ, олицетворение того же безликого и злого диктата власти, против которого борются ребята из его «паствы», безрассудно подставляющиеся под удар.

В их войне, суть которой – разрушение без каких-либо внятных дальнейших планов, много от детского ощущения безнаказанности и от присущей ребенку инфантильности как неумения и нежелания отвечать за свои поступки. Ведь нередко пострадавшими в результате многочисленных конфликтов молодежи с властью оказываются совершенно случайные, неповинные ни в чем люди – прохожие и автомобилисты, которым «посчастливилось» оказаться в местах погромов: начиная с безымянного любителя спорта, которого избил милиционер, приняв за эсэсовца, и заканчивая либералом Безлетовым, которого сам Санька выкинул из окна во время захвата здания администрации города. И в том, и в другом случае ребята ни минуты не задумываются о том, что они – косвенно ли, напрямую – стали виновниками чужой беды и боли. Напротив, такие жертвы обстоятельств вызывают у них смех, становясь очередным поводом для шуток. Отнюдь не жестокие каждый в отдельности, не лишенные чувства собственного достоинства и внутренней интеллигентности, «отчего вместе они были так злы?» [Там же, с. 160]. Этим вопросом, который Санька задает сам себе, может задаться и любой читатель.

Аполитичных или обладающих другими политическими взглядами окружающих молодые люди предпочитают просто не замечать, так же как они не замечают и страданий своих матерей, многие из которых искренне за них беспокоятся подобно маме Саньки, постоянно пытающейся вернуть сына на «путь истинный» – в лоно закона. Ведь «одно дело, когда дурные поступки совершают они. А другое дело, когда их будешь совершать ты» [Там же, с. 214]. Саша слушает мать и по-своему жалеет ее («Так много слез в твоих глазах. Сморгни, мама, это невыносимо» [Там же, с. 212]), но он ее не слышит и воспринимает слова, сказанные ею, исключительно как чуждую, а потому и неинтересную ему позицию: «–Зачем ты мне это говоришь?» – спросил Саша, меланхолично размешивая сахар» [Там же, с. 258]. От ее вопросов и настойчивых просьб, от попыток опекающей заботы он отписывается парой слов на клочке бумаги, привычной фразой о том, что у него все хорошо. «Все нормально» у него даже тогда, когда за ним охотится милиция или он сам едет на убийство латвийского судьи. Таким образом, несмотря на наличие формального общения, между ними – стена отчуждения.

Подобная позиция Саньки – отсечение им всего «лишнего», что мешает достижению цели, включая чувства и переживания самых близких людей, – рождается не только под влиянием отрицательной идеологии (это скорее вторично), но из-за изначально одностороннего восприятия жизни, где все делятся лишь на «своих» и «чужих» и где на один вопрос не может быть двух разных ответов. Такой чрезмерно прямолинейный, черно-белый подход к жизни также свойственен ребенку.

Определенная детскость поведения, присущая всем союзникам, постоянно подчеркивается автором не только посредством описания их слов и поступков, но и на уровне отдельных художественных деталей. Так, писатель акцентирует внимание на том, что «поле битвы» – город – в сознании Саши сопоставляется с детской игрушкой: «...ломать его было так же бессмысленно, как ломать *игрушку*: внутри ничего не было – только пластмассовая пустота. Но оттого и возникало *детское ощущение торжества*, терпкое чувство преодоления, что все оказалось гораздо проще, чем казалось» [Там же, с. 29].

Деятельность союзников оказывается формой реализации их детскости, место борьбы оборачивается игровым пространством. Для ребят участие в протестных акциях – прежде всего, возможность действовать, и этим скрашиваются даже такие малоприятные моменты, как драки или столкновения с милицией, растворяясь в ворохе ярких, до краев наполненных, праздничных по своему ощущению дней: «Венька улыбался, словно из автобуса должны были в нужный момент вылететь не камуфляжные бесы в тяжелых шлемах, а клоуны с воздушными шарами» [Там же, с. 6]; «Многие уже уходили во двory, понимая: долго *праздник* не продлится» [Там же, с. 17].

Веселая бесшабашность, быстрый ритм жизни, атмосфера преодоления и подвига – все то, чего мальчикам так не хватало в их повседневной жизни с ее серыми буднями и вечным безденежьем, – сопровождается изменением, насыщением красок окружающего мира. Так, на смену выцветшим, полинявшим тонам и тесным стенам старых квартир в «хрущевках» приходит яркое, яростное, почти ослепляющее многоцветие распахнувшегося навстречу мира. «Впопыхах, еще не нарочно, еще по случайности бегущие сшибли одну урну или корзину с розами, тюльпанами и гвоздиками – и сразу понравилось, сразу зацепило. Когда к торговым рядам подлетел Сашка, вся улица была усыпана *алым, желтым, розовым, бордовым*» [Там же, с. 15].

Противопоставление детства, юности и старости тоже подчеркнуто на цветовом уровне, уровне восприятия красок мира. В деревне, завтракая яичницей, «неестественно яркой, словно рисунок ребенка» [Там же, с. 53], Саша вдруг задумывается над тем, могли бы старики рисовать так же пестро и жизнерадостно, как и дети. Своего рода ответ на его вопрос дан в мысленном монологе умирающего дедушки Саши, который вместе с памятью и слухом утратил яркость восприятия мира: «Накатывало *бесцветное*» [Там же, с. 45]. Отсутствие цвета здесь выступает как знак небытия, пустоты, синоним смерти.

Рассказывая о Костенко, Саша также указывает на его детское умение «видеть все в контрастности, в яркости, в цветах, которые даже у молодых людей уже стерты и блеклы» [Там же, с. 156]. Таким образом, сама жизнь воспринимается как постоянная смена красок – от насыщенных и полновесных до едва заметных, словно застиранных оттенков.

Ключевая тема романа – молодежный бунт – неразрывно связана на социальном и психологическом уровнях с темой детства. Развивая уже затронутую тему о детях переломных эпох, можно утверждать, что ребенок, забытый родителями, недополучивший внимания и любви от близких ему людей, подрастая, с куда большей вероятностью и меньшими внутренними колебаниями направит свои силы на войну с окружением, чем тот, кто рос в спокойной, гармоничной и любящей среде. Так происходит и с союзниками, многие из которых с детства озлоблены на мир, не понимающий и не принимающий их. Характерно в этом отношении то, что большинство приятелей Саши Тишина – из неполных и (или) малообеспеченных семей:

тех, в которых материальные сложности обуславливают неблагоприятное психологическое климата и где воспитанием детей некому и некогда заниматься. Сам Тишин рано лишился отца – вузовского преподавателя, причиной гибели которого стал алкоголизм. Да и при жизни своей, пока сын рос, «отец никогда им не занимался, даже разговаривал с сыном редко» [Там же, с. 69]. Безотцовщина Негатив свое невеселое детство провел в интернате. У вечно пьяного Вени не то что родителей, но и определенного места жительства нет: «Веня, он вообще бездомный, ему жить негде» [Там же, с. 61].

Тонкая и артистичная Яна, серьезный и сосредоточенный Леша Рогов, Олег, с его веселой и неиссякаемой злостью, – из разных социальных слоев: от рабочего класса до интеллигенции, из разных городов: от Таганрога до Северодвинска, – все они едины лишь в своем одиночестве, в чувстве отрешенности от мира сегодняшнего дня, ничего им не давшего, кроме бедности, привычной лжи и цинизма. Кроме бесконечно усталых родителей, у которых часто не хватало сил на то, чтобы выказать любовь к собственным детям.

«Непонятные, странные, юные, собранные со всей страны, объединенные неизвестно чем, какой-то местиной, зарубкой, поставленной при рождении» [Там же, с. 10], не умея отыскать смысла в собственном существовании, они обладают достаточным мужеством, чтобы пожертвовать своими жизнями. И вопрос лишь в том, нужны ли эти бессмысленные жертвы кому-нибудь, включая их самих, и есть ли в бескомпромиссном отрицании жизни хоть капля героизма.

Еще острее, чем в «Саньке», данная проблема поставлена в вызвавшей немало споров книге «Исход», которую под псевдонимом *DJ Stalingrad* написал активист антифашистского движения Петр Силаев. В этом романе-дневнике, полностью построенном на приеме потока сознания и основанном на реальных событиях, молодые люди занимаются саморазрушением, уже даже в теории не ставя перед собой никаких высоких целей, которые должно было бы подразумевать их движение. Само его название – антифашизм – становится пустой бессодержательной формой, которая не отражает ни реальной идеологии, ни методов борьбы – столь же бесчеловечных, как и у неонацистов. Люди, называющие себя антифашистами, вступают в жестокие драки без правил и кровопролитные бои «район на район», не защищая свои идеалы, а просто потому, что ничему больше в жизни не научились и ни к чему не стремятся. С не меньшей долей вероятности многие из них могли бы оказаться «по другую сторону баррикад». Их отчаянная смелость – это смелость самоубийц, которые не боятся быть искалеченными и даже убитыми, но не в состоянии самостоятельно решить свои жизненные проблемы. «Эта повесть – некое вскрытие, автор показывает болезнь общества. Он словно говорит: мир болен, я болен. Что мне делать? Как жить дальше?» [1]. За художественной формой – остросоциальное содержание, за мемуарами, которые можно было бы принять за особую стилизацию повествования, – реальная смерть товарища: «Исход» посвящен погибшему в 2008 году другу П. Силаева, антифашисту Федору Филатову.

Возвращаясь к роману Прилепина, нельзя не отметить, что ребята из Союза куда менее агрессивны в своих действиях и куда более осмысленны в поступках, но и им, охваченным атмосферой борьбы, не чужда жестокость. Ведь в мире, в котором духовность стала анахронизмом, злоба обладает способностью накапливаться: обоюдная ненависть нарастает как с каждой новой протестной акцией, так и с каждым новым тюремным сроком, полученным за участие в ней. В этом плане грустно-типичен путь Тишина – от попыток разговоров в либеральном ключе до грубой матерной фразы, брошенной им своим идеологическим противникам; от интеллигентных порывов перед всеми извиниться до желания разбить голову чужакам и инакомыслящим, от стыда до полного его отсутствия. Своего рода перерождение героя происходит после того, как его избивают сотрудники ФСБ, не в силах добиться от него показаний. Тогда, сплошной сгусток боли, отстояв не только свою «правду», но и жизнь («Сначала подумал: –Я не умер». Потом подумал: –~~Я~~ не умру») [3, с. 180]), Тишин вместе с победой над смертью утрачивает жалость. «И там, где было сердце или душа, – все было легко и бестрепетно» [Там же, с. 184]. После всего пережитого – жестокого избияния, изнасилования Яны, задержания Негатива – он уже безо всяких колебаний решается на убийство. А когда не станет большинства его товарищей, борьба его приобретет характер неизбежной жестокости. В этой битве каждый новый удар рождает еще более сильный ответный. И финал романа с его новыми жертвами – раненым Позиком и Безлетовым, выкинутым из окна, – открывает очередной виток ожесточенной борьбы. «В голове, странно единые, жили два ощущения: все скоро, вот-вот прекратится, и – ничего не кончится, так и будет дальше, только так» [Там же, с. 367].

Актуальная и злободневная книга З. Прилепина, написанная в традиции романа-предупреждения с намеренной гиперболизацией событий, обнажает социальные проблемы нашего общества, наиболее уязвимой частью которого являются дети. Мотив детства раскрывается З. Прилепиным во всей полноте на социальном, психологическом и философском уровнях. «Санька» призывает каждого из нас оглянуться и задуматься над тем, что маленькие жители нашей страны – мальчишки с городских окраин, лишенные заботы, понимания и тепла, – вместо олицетворения светлого будущего России могут стать ее печальным исходом.

Список литературы

1. **Артамонова А.** Рецензия на повесть *DJ STALINGRAD «ИСХОД»* [Электронный ресурс]. URL: <http://proarte.ru/programm/school-nor2/reviews?id=1291> (дата обращения: 10.02.2013).
2. **Прилепин З.** Отзывы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zaharprilepin.ru/otzyvy/> (дата обращения: 10.02.2013).
3. **Прилепин З.** Санька. М.: Ад Маргинем, 2007. 368 с.
4. **Распутин В. Г.** Прощание с Матерой: повести, рассказы. М.: Эксмо, 2010. 704 с.
5. **Сухих О. С.** Очень своевременные книги: о традициях Ф. М. Достоевского и М. Горького в романе Захара Прилепина «Санька» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2008. № 6. С. 290–296.
6. **DJ Stalingrad.** Исход [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2010/9/d9.html> (дата обращения: 10.02.2013).

PECULIARITY OF CHILDHOOD WORLD IN NOVEL "SANKYA" BY Z. PRILEPIN

Guseva Elena Viktorovna

*Peoples' Friendship University of Russia
lemuelle@yandex.ru*

The author reveals the theme of childhood in the novel "Sankya" by Z. Prilepin, which is of great importance both in the development of plot, and in the understanding of main heroes' characters. Prilepin's characters, showing particular attitude to children, are verified by it on humanity, the ability to love. The writer also often refers to the childhood of central heroes, finding in this time period the roots of their behaviour, the origins of their fates. The author pays special attention in the aspect of child theme to such adults' feature as childishness: a lot of characters from "Sankya" possess it. Childishness can have both a positive meaning being treated as synonym for luxuriant imagination, ingenuousness, honesty and purity, and a negative meaning, equating to infantilism and irresponsibility, inability to take responsibility for one's actions. Artistic details and colour art play important role in child theme revelation by Zakhar Prilepin.

Key words and phrases: motif of childhood; child's images; Zakhar Prilepin; "Sankya"; image of child.

УДК 81'25

Педагогические науки

Статья посвящена проблеме синтаксического анализа сложного немецкого предложения при обучении переводу. Раскрывается сущность такого рода анализа. Особое внимание уделяется сложносочинённым и сложноподчинённым предложениям, их структурным особенностям, знание которых необходимо обучаемым в процессе переводческой деятельности.

Ключевые слова и фразы: сложное предложение; перевод; предпереводческий анализ; синтаксис; немецкий язык.

Дакукина Татьяна Анатольевна, к. пед. н., доцент

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет
sharda@yandex.ru*

**ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКИЙ СИНТАКСИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
СЛОЖНОГО НЕМЕЦКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ[©]**

В настоящее время перевод является предметом педагогических исследований и трактуется как вид речевой деятельности, определяемый наличием предмета, цели, средств, способов, продукта, результата, механизма, единицы содержания обучения [2; 3; 4].

Всякий перевод требует подготовки. Успех перевода зависит не только от того, насколько первоначально интерпретатор знаком с темой оригинала, но также и от того, насколько он связан со знаниями грамматики немецкого языка. В этой связи речь в данной статье пойдёт о предпереводческом синтаксическом анализе сложного предложения немецкого языка, под которым подразумевается процесс «демонстрации» немецкого сложносочинённого и сложноподчинённого предложения на отдельные компоненты и их анализ. Предпереводческий синтаксический анализ проводится с целью, во-первых, повторения и обобщения определённого материала немецкой грамматики в виде правил; во-вторых, углубления существующих базовых знаний обучаемых (на основе выполнения отдельных аналитических упражнений); в-третьих, подготовки к переводческой деятельности.

Исследуя специфику перевода сложносочинённого предложения в немецком языке, как в устной, так и в письменной форме, следует обращать внимание на грамматические средства, объединяющие элементарные предложения в смысловое и структурно-семантическое единство. Данную двойную функцию выполняют сочинительные союзы. Они связывают элементарные предложения в одно целое, а также выражают смысловой характер связи между ними. Смысловая связь между элементарными предложениями в сложносочинённом предложении создаётся также союзными словами (наречиями и местоимениями). Они по своей роли приближаются к подлинным союзам, однако сохраняют статус члена предложения (то есть влияют на порядок слов в предложении). Средством связи служат также дейктические (анафорические) наречия и местоимения. Например: *Trotzdem schien er noch nicht ganz zufrieden, und so kam ich auf die Idee, ihm eine Hängete zu machen, die ich zwischen den Stäben befestigte* / Несмотря на это, он не выглядел довольным, и поэтому я решил предложить ему гамак, который укрепил между палками.

Наречия, указывающие на связь с другим предложением и выступающие в функции коррелята, могут находиться в первом предложении. Например: *Zuerst schien sie ganz glücklich zu sein, dann kam aber eine Wende* / Сначала она выглядела совершенно счастливой, но затем что-то изменилось.

В разных типах сложносочинённых предложений выражены различные оттенки, нюансы отношений между событиями, отражающими всё многообразие явлений реальной действительности и их интерпретации.